

отрицательным знаком. Тактильность вопроса - одна из главных ловушек, расставленных на пути поиска позитивной множественности.

Не задача формируется, когда уже найден ответ, а скорее возможность ответов необходимым образом вытекает из того, как именно сформулирована задача. Задача, так же как и смысл, – это «место...генезиса истины производной» [5, с. 198]. Подобное понимание дает нам возможность избежать падения в репрезентационистскую иллюзию. Одновременно оно избавляет нас от того ужаса, который возникает при мысли о возможности истины в качестве различия. Главная заслуга Делеза в том, что, положив в основание своей методологии понятие вопроса, он сумел избавить нас от комплекса перед актуальностью. Различие в сфере смысла не означает его отсутствия. Это становится понятным, когда обращение к нему проходит не в повествовательной, а в вопросительной форме (не путать с задачей) Истина производна именно в том смысле, что ее рождает вопрошание как некоторая отправная точка метода.

По своей сути, задача не является чем-то бесконечно далеким от идеи. Объединяющим началом здесь выступает проблема. « Но недостаточно фактически признать это, как будто проблема – это только временное и случайное побуждение, призванное исчезнуть с формированием знания и обязанное своей значимостью лишь неблагоприятным эмпирическим условиям, в которых оказался познающий субъект; следует, напротив, поднять это открытие до трансцендентального уровня и рассмотреть проблему не как «данные» (data), но как мысленные объективности, обладающие самодостаточностью, включающие в свое символическое поле создающие и инвестирующие акты» [5, с. 198]. Генезис внутри задачи – это генезис истины, отличной по своему происхождению от соотношенности с объектом актуального. Само производство истинного или ложного, в границах, обусловленных смыслом, есть единственный критерий определения, истинна или ложна задача.

По своей сути, таким образом, понятая задача становится частным случаем вопрошания, в котором только и способно во всей своей открытости воплотится проблематичное. В традиции, начиная с Платона, философия определяет «движение мышления как некоторый переход от Гипотетического к аподиктическому» [5, с. 241]. Начальная точка, таким образом, находится в предположении, определенном в качестве сомнения. Финальный же пункт, представляет собой аподиксии, т.е. нечто, в чем мы можем быть абсолютно уверены.

Делез же утверждает, что движение происходит от проблематичного к вопросу. Вопрос есть та лингвистически понятная нам единица, которая способна помочь нам преодолеть страх перед про-

блематичным. Это тот самый вопрос без ответа или задача без решения. Для того чтобы овладеть символическим полем смысла, недостаточно овладеть спектром ответов, которые рассыпаются в частных «предположениях, образующих случаи» [5, с. 202]. Единственная ценность подобных случаев - означающее, несущее с собой скорбную печать обыденного мышления.

Для овладения символическим полем смысла необходимо не скопить нужное количество ответов, а проникнуть в суть вопроса. Здесь чувствуется определенная гуманитаризация методологии прослеживаемая в качестве последних тенденций. (К примеру, применение лингвистических методов в различных сферах и дисциплинах стало характерной особенностью последних веений в сфере науки). Для гуманитария, в особенности для философа, прикиновение в суть вопроса как основополагающий принцип не является чем-то необычным. Благодаря этому движению мысли нам становится понятна возможность самого многообразия. Здесь проблематичное напрямую связано с эмансипацией означающего. Редукция, постоянно совершавшаяся в сфере означаемого, заменилось процессом скольжения.

Вопрос дает возможность состояться проблематичному в качестве отсутствия отрицания. Следовательно, вопрос же формирует возможность различия, в качестве чистого утверждения. Еще Габриель Тард с достаточной ясностью продемонстрировал несостоятельность оппозиций, дав классификацию их многообразия, спроецировав их в качестве «видимостей по отношению к проблематичному полю позитивной множественности» [5, с. 251]. Примером подобной дифференцированной позиции, заменяющей пустую оппозицию, есть эксплитивное НЕ. Оно встречается в «предложении, соотношенном с вопросами, развернутыми в задачу, в качестве свидетеля грамматической инстанции, находящейся вне этого предложения» [5 с. 248]. Таким образом, небытие снимается ? – бытием, оставляя его лишь частным случаем своей проблематичности. НЕ эксплитивное дает нам возможность понять, как утверждение может быть множественным, а различие стать объектом чистого утверждения.

Литература

1. Найман Е. «Сцена письма» и «метаморфоза истины» / Интенциональность и текстуальность. – Томск, 1998.
2. Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
4. Зенкин С. Жан Бодрийяр: Время симулякра. – М., 2000.
5. Делез Ж. Различие и повторение. – С.-П., 1998.

Надыбская О.Я.

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ В МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО

Проблема воспитания в широком смысле слова (то есть охватывающая и вопросы образования) относится к числу проблем, поставленных всем ходом развития человечества. Любая эпоха в соот-

ветствии со специфическими для нее задачами социально-экономического, нравственного и культурного развития испытывает потребность в личности с определенным уровнем знаний и принци-

пов поведения. Что же касается нового витка в развитии современного нам общества со своими специфическими социальными, экономическими и политическими отношениями, со своими целями и новыми масштабами преобразований, то такое развитие немислимо без высокообразованной и всесторонне развитой личности.

Цель статьи – проанализировать состояние образовательных доктрин как в Украине, так и в других странах, а также обозначить пути преодоления застойных явлений в этой сфере.

Главная *задача* публикации – показать, что преодоление застойных явлений в образовании возможно лишь на основании укрепления междисциплинарных связей, а само образование является объектом приложения самых разных наук.

При анализе проблемы автором использовались работы Б.С. Гершунского, С.Н. Еремина и Е.В. Семенова, В.Б. Миронова, В.Д. Семенова, Л. Кольберга и других.

Современный мир, каким бы он ни был противоречивым и сложным, связан общностью судьбы. Созданный им технико-технологический потенциал, включая чудовищные средства массового уничтожения людей, представляет ныне реальную угрозу жизни нашей планеты. Стало совершенно очевидным, что от самого человека, его внутренних ресурсов и в первую очередь от его нравственных ценностей и установок, от его мышления зависит будущее человечества, его выживание, сохранение земной цивилизации. Это повышает ответственность системы воспитания и образования во всем мире за характер общественного воздействия на личность, за формирование гуманистических идеалов, за использование научного потенциала человечества в интересах социального и нравственного прогресса. Осознание данной истины во многом объясняет возросший интерес к воспитанию и образованию как к общечеловеческой проблеме. Философы, педагоги, психологи и другие специалисты самых различных направлений спорят, размышляют о новых путях воздействия на сознание и поведение людей.

Однако чтобы система воспитания отвечала той роли, которая ей отведена современным этапом развития истории, требуется коренное ее обновление. Ей необходимо отказаться от установки на преимущественно просветительский подход, от назиданий, отживших стереотипов, от господствовавшего в ней длительное время метода «проб и ошибок» Здесь важен новый подход, опирающийся на научную методологию, предполагающий глубину идейно-теоретического содержания, серьезные философские обобщения, полный и точный учет реалий современности и научно обоснованное предвидение будущего. «Именно образование принципиально «работает» на будущее, определяя личностные качества каждого человека, его знания, умения, навыки, мировоззренческие и поведенческие приоритеты, а, следовательно, в конечном итоге, - экономический, нравственный, духовный потенциал общества, цивилизации в целом»[1, с. 12].

Сфера образования, несомненно, имеет самое непосредственное отношение к происходящим в мире событиям, в том числе и к тем негативным тенденциям, которые все более явственно дают о

себе знать. Ибо причиной их, в конечном счете, является сам человек, утративший способность активно противостоять Злу во всех его проявлениях, потерявший Веру в нравственные, духовные ценности Мира и Смысл человеческой жизни, лишившийся жизненных ориентиров и не находящий ответов на важнейшие мировоззренческие вопросы ни в науке, ни в религии, ни в образовании.

Между тем, чтобы человек мог состояться как личность, процесс его обучения должен быть неразрывно связан с нравственным воспитанием, с формированием у молодого поколения таких моральных качеств, которые могли бы занять достойное место в общественной жизни, самостоятельно сделать моральный выбор, определить линию поведения, свою жизненную позицию. И задача формирования у людей этих качеств во всех регионах современного взаимосвязанного мира становится все более актуальной, получает статус поистине общечеловеческого морального требования.

Это понимают все прогрессивно мыслящие ученые как у нас в стране, так и за ее пределами. Все большее число сторонников получает точка зрения, что общество нуждается в личности, которой присущи активность, динамичность, умение быстро ориентироваться в сложных ситуациях, самостоятельность в принятии решений, чувство ответственности за выполняемую функцию. Все громче звучат голоса ратующих за воспитание «добропорядочного гражданина» как важное условие укрепления современного общества. В этой связи особенно остро встает проблема индивидуального поведения, поисков форм и средств, чтобы придать ему должную направленность.

Однако по признанию значительной части педагогов и философов, специализирующихся в области воспитания, учебные заведения и другие институты, связанные с формированием человека, с этой задачей не справляются. Одно из наиболее уязвимых мест существующей системы образования и воспитания они видят в том, что не выработано ясной линии отношений между учеником и учителем и – шире – между личностью и обществом, что мешает построению иерархии моральных ценностей.[2, 3, 4] В результате система воспитания оказалась неспособной помочь разрешению социального конфликта между личностью, заинтересованной контролировать свое поведение, исходя из собственных установок, целей, предпочтений, и государством, заинтересованным в воспитании личности, полностью лояльной к существующему строю. Учебные заведения, как признают многие исследователи, служа практически интересам и целям государства, при всем желании не могут не считаться с тем фактом, что сейчас все большее количество людей, включаясь в жизнь, ищет возможность максимально приложить свои способности, и соответственно оценивают систему воспитания по тому, в какой мере она способствует этому.

Важнейшие институты современной системы воспитания, по существу, не задумываются о степени своей ответственности за формирование будущего гражданина, как и о том, какая доля ответственности за осуществление этой задачи ложиться на семью, какая – на государство. Бесплодными

являются и ведущиеся в учебных заведениях споры о ценности принципа индивидуализма или коллективизма, о том, какое место в воспитании должна занять доктрина социализации и нужно ли вообще воспитателю вникать в проблемы детерминации нравственного поведения. Хотя и теоретики воспитания, и те, кто причастен к воспитательной практике, много говорят о необходимости воспитывать человека в духе свободы, дисциплины, уважения к авторитетам, они слабо представляют себе, как сочетаются между собой эти ценности, в чем конкретно выражается свобода молодежи, в том числе как она должна проявляться в стенах учебных заведений.

Еще в 80-х годах прошлого века зарубежные исследователи нравов определили одну из самых характерных установок людей современного общества – приватизм, как одна из форм индивидуализма. Объединяя либералов и консерваторов, приватизм как выражение стремления к достижению успеха, по мнению американского психолога Л. Кольберга, буквально стал национальной болезнью, поразившей прежде всего молодое поколение США [6, 5].

Суть идеологии приватизма выражена в девизе – «ищи в жизни самое лучшее», что в практической жизни оборачивается увлечением гедонизмом в самом примитивном его выражении, в следовании философии вседозволенности. Приватизм, согласно определению немецкого мыслителя В. Бера означает «тотальную инфляцию» ценностей культуры, искусства, морали, языка, утрату понимания человеком своего предназначения, места в жизни [5, с. 127].

Тогда же многие представители социологической и этической мысли Европы и Америки связывали надежды на разрешение существующих противоречий с поисками «новой морали», представление о которой, однако, у них было далеко не однозначным. С одной стороны, поиски «новой морали», казалось бы, означают косвенное признание глубокого морального кризиса современного им общества, его традиционных моральных ценностей, и прежде всего принципа индивидуализма, признание отчуждения личности, лишения инициативы и способности влиять на ход общественных событий и потерявшей свою ценность даже в собственных глазах. С другой стороны, сами явления моральной распущенности нередко преподносились и воспринимались как выражение этой «новой морали», основу которой составляли свободная половая любовь, не связанная никакими нормами, запретами, чувством стеснения.

Свою версию толкования «новой морали» предлагали и те концепции, которые формулировали ее кредо. Они прибегали к этому новому понятию для обозначения отнюдь не новой ориентации на потребление, на отказ от бережливости. Налицо стремление под вывеской «новой морали» гальванизировать столь выгодную для правящей элиты страсть к потреблению, к удовольствию, лишенным рационального смысла, закрепить уже завоеванное потребительской психологией место в общественном сознании. Заинтересованность в этом правящих кругов, магнатов капитала вполне

понятна. Ведь культ потребления вырабатывает у людей «функциональное», или «операциональное», мышление, лишаящее их критического отношения к жизни, к ценностям общества, расширяет тем самым возможности манипулирования личностью с помощью рекламы и других средств идеологического и психологического воздействия.

В 90-х годы волна так называемого приватизма докатилась и до постсоветского пространства, набирая силу и размах воздействия на сознание нашей молодежи. Личный жизненный успех, измеряемый, главным образом, материальным уровнем жизни, практически повсеместно стал самоцелью, вытеснив на обочину общественного внимания, как бы на второй план, нравственные, духовные устои личности и государства, не говоря уже о человеческой цивилизации в целом.

Широко используемые и достаточно популярные в мире современные доктрины образования немало способствуют именно такому прагматичному, чтобы не сказать – эгоистичному, циничному подходу к целевым установкам образовательной деятельности, к усвоению необходимых и достаточных для сугубо индивидуального жизнеобеспечения знаний и умений. Что же касается культуры и нравственности, то считается как бы само собой разумеющимся, что, однажды провозгласив гуманистические ценности и систематически декларируя неизменную приверженность этим ценностям, общество и государство свои нравственные функции выполняют сполна. Далее, как предполагается, эти духовные ориентиры будут автоматически «овладевать массами» без каких-либо специальных образовательных и воспитательных усилий.

Нет ничего ошибочнее подобных иллюзий.

Надо ли удивляться тому, что и абстрактные, во многом надуманные образовательные доктрины социалистического, стадного коллективизма, и сугубо индивидуалистические философско-образовательные концепции, нацеленные преимущественно на потребительские ценности мира частного предпринимательства и рыночной конкуренции, перед лицом принципиально новых гуманитарных проблем цивилизационного масштаба все более очевидно не срабатывают, отторгаются, оказываются идейно несостоятельными и практически непродуктивными?

Но может ли образование своими собственными средствами повлиять на глобальные, по существу, общечивилизационные, геополитические процессы? Можно ли рассчитывать на то, что образование в состоянии переломить устойчивые негативные тенденции и в буквальном смысле спасти мир от надвигающейся катастрофы? Может быть, более целесообразно взывать к разуму и доброй воле политиков, искать сугубо политические решения, апеллировать к могущественным финансово-экономическим сферам, уповать на благоразумие и инстинктивную способность всего живого к самосохранению, к выживанию, наконец, усердно молиться и надеяться на добрую волю Провидения?

Да, конечно, в повседневной жизни не обойтись без мирных политических решений и взаимо-

приемлемых соглашений, без все более обременительных для государств-спонсоров экономических инъекций и упреждающих агрессию вспомоществований. Не обойтись без насилия в борьбе с преступностью, терроризмом, агрессией. Наверное не обойтись и без веры в здравый смысл человека разумного... Но ни частные, во многом вынужденные меры «пожарного» характера, ни упование на якобы predetermined свыше торжество Добра над Злом не могут остановить лавинообразно нарастающий процесс разрушения, не могут кардинально переломить негативные тенденции в развитии цивилизации. Эти меры являются сугубо тактическими, ситуативными. Что же касается долгосрочной перспективы, а главное, надежности подобных упреждающих мер, то здесь особых оснований для оптимизма нет и быть не может. По мнению известного специалиста в области философии образования Б.С. Гершунского: «Нужны прорывы стратегического масштаба, необходимо осознание реальных движущих сил мировой истории и апелляция именно к этим силам. Именно поэтому необходимо принципиально по-новому подходить к обоснованию и реализации философских концепций, стратегических ориентиров и политических доктрин в сфере образования, находящейся на главном направлении прорыва в достойное будущее человеческой цивилизации, способной найти убедительный ответ на вызов этого будущего» [1, с. 23].

Политическая элита нашей страны делает поступательные шаги на пути экономической интеграции Украины в мировое сообщество, однако совершенно игнорируется духовная интеграция, без которой сотрудничество, конвергенция, взаимопонимание будут достаточно осложнены. Развитие данных процессов будет невозможным без внедрения этих идей в сфере образования, что сможет предопределить ведущие стратегические направления ее развития, высшие по своей значимости цели и задачи всего процесса обучения, воспитания и развития учащихся.

Переживаемый нашим обществом период трансформации, проблемы, им порожденные, напрямую связаны с мировоззренческим, духовным, нравственным потенциалом и вполне очевидно, что без коренных изменений в сфере образования решить такие проблемы не удастся.

Необходимо найти пути сближения и постепенной интеграции различных философских доктрин образования как важнейшего условия формирования единого мирового образовательного пространства, интеграции национальных образовательных систем и стратегий на началах возможно

более полной совместимости, международного консенсуса в признании универсальных образовательных и воспитательных идеалов и ценностей при неперемennom сохранении и поддержке национальных особенностей и приоритетов интегрируемых образовательных систем. Следует рассматривать эту задачу в качестве необходимого и наиболее реального этапа на пути духовного взаимодействия и интеграции социумов, движения к идеалам человеческого всеединства и взаимопонимания.

Поистине грандиозные проблемы, стоящие перед образованием будущего, требуют коренных преобразований в самом понимании сущности образования, в самом подходе к определению приоритетов образовательной деятельности. Но коренные преобразования в этой сфере возможны только при условии первоочередного решения наиболее общих образовательных проблем, определяющих роль и место образования в решении государственных задач, его важнейшие функции, политические и стратегические приоритеты, ценностно-целевые ориентации, технологические возможности реализации многообразных психолого-педагогических задач. Эти общие проблемы имеют явно выраженный междисциплинарный характер, а следовательно, и само образование, несомненно, является объектом приложения самых разных наук.

Только такой подход позволяет рассчитывать на существенное возвышение социального статуса и роли образования, преодоление узковедомственных концепций образовательной самодостаточности, значительное расширение комплекса научных дисциплин, призванных обеспечивать системное и скоординированное обоснование стратегических приоритетов многоплановой образовательной деятельности.

Литература

1. Гершунский Б.С. Философия образования. – М., 1998.
2. Еремин С.Н., Семенов Е.В. Наука и образование в структуре научно-технического прогресса. – Новосибирск, 1986.
3. Миронов В.Б. Век образования. – М., 1990.
4. Семенов В.Д. Взаимодействие школы и социальной среды. – М., 1986.
5. Behr W. Jugendkrise und Jugendprotest. – Stuttgart, 1982.
6. Kohlberg L. The cognitive developmental approach to moral education.- In: Scharf P. Readings in Moral Education. – Minneapolis, 1978.

Небилиця Н.В. ЕТНОКУЛЬТУРНИЙ РОЗВИТОК СУЧАСНОГО КРИМУ: СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНИЙ АНАЛІЗ

Дана стаття присвячена проблемі етнокультурного розвитку сучасного Криму. Вибір теми не випадковий, оскільки для Криму це питання було завжди актуальним і його розглядали в різні часи різні вчені, серед яких О. Хорженко, А. Мальгін, В.І. Корольов, В.В. Шамрай, Т.В. Хрієнко та інші. Крим, як автономна одиниця на території України, володіє низкою специфічних рис, які відрізняють

його від інших регіонів нашої держави.

Стаття зв'язана з дослідженням важливої соціально-політичної і соціокультурної проблематики становлення і розвитку української національної ідеї – головного чинника державотворення, необхідного і закономірного елементу відродження української держави – за допомогою поширення української мови на всій території України у всіх